
Весенний вдох, осенний выдох...
 А лето, лето — где оно?
 Увы, на крыльях журавлиных
 Бог весть куда унесено.

Широк большак небесной сини,
 Превыше всех земных дорог...
 Багряный лист на белый иней.
 Осенний выдох. Зимний вдох.

Мой Север

До облаков подать рукой —
 Зенит родимый низок.
 А до земли подать ногой —
 Приют последний близок.

Соединяет он во мне
 И быть свою, и небыль:
 Тут я ногами — на земле,
 А головую — в небе.

Листопадами октября
 Образумило человека:
 Сколько ж чисел календаря
 Улетучено с веток века!

В числопаде затерян ты —
 Новых дней отпустил Всевышний.
 С неожиданной красоты
 Начинается осень жизни.

Откровенность поры чиста,
 Не сулит она много солнца.
 Рекут листья, им нет числа,
 Но твоё среди них найдётся.

Шар земной — предмет его заботы:
 Зорок ум, ухватиста рука.
 Если время — только для работы,
 Если отдых — вечность коротка.

Роберт Иванович Винонен — родился в 1939 году в Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и аспирантуру. Работал в издательствах «Молодая гвардия», «Прогресс» (теперь «Радуга»), «Советский писатель». Заведовал кафедрой художественного перевода в Литинституте. Автор книг стихов: «Мгновенье» (1966), «Небозеро» (1977), «Позёмка» (1981), «Вертикаль» (1986), «Опереться на бездну» (1989), «Ипостаси» (2002), «Хрен с редькой» (2002), «Подсолнух и чучело» (2003), «Ревность ветра» (2003), «Звучащий след» (2004), «Рубаи от Ибрагима» (2005), «Пролетая над собой» (2005), «Оглядка» (2006), «Взметённые листья. Поэзия Василия Розанова» (2007), «Игривый гриб» (2007), «Дым над именем» (2009), «Вирши простака» (2009), «Кукушкин счёт» (2010) «Лучи неслучившегося» (2012), «След разбоя» (2012), «Синие сумерки SUOMI» (2013), «Муравейник» (2014) «Разлука берегов» (2017). Автор книг очерков о поэзии «Чувство пути» (1981), «Похождения Слова» (2014), а также книг переводов с финского: Арво Туртиайнен «Избранное» (1986), Тайсто Сумманен «Скала двух лебедей» (1989). Живёт в Хельсинки, Москве и Тбилиси.

Шахт нарыл, наставил небоскрёбов,
До Луны ракетой достал.
А потом — как не было такого:
Человек — большой оригинал.

Мир непрочен, покой нестойк,
Час неровен, ухабист путь...
Но бывшее всегда с тобою —
А бывшего не пошатнуть.

Ничего ты в нём не изменишь,
Как скала оно и теперь,
Время, вверенное тебе лишь
И доступное лишь тебе.

И докажешь ли хоть кому-то,
Что не в этих ты жив местах,
А лишь там, где навеки юн ты
И веки не будешь стар.

Опирайся в себе на эти
Бастионы, где вечно май.
Окопайся там, стой до смерти,
Нашей крепости не сдавай!

Стена

Прах выдающихся людей
В ничто кирпичное вмурован.
Крах зажигательных идей
Окаркал сумеречный ворон.

А площадь помнит времена,
Как ликовалось тут.
И горделивая стена,
Былыми казнями красна,
Хранит последний труп.

На пенсии

Ещё эти ноги не слабы,
Ступаю, себе на уме,
Клюкой окликаю ухабы
И тень волоча по земле.

Досуга на это не жалко —
Легко ли весь день без труда?
Подамся-ко в сторону «Алко»,
Куда ещё, как не туда!

Муки слова

Под 80 лет
Сказаться, да. Пора бы
Того... Однако нет,
Вот если бы.. Ах, кабы!

А впрочем... Ну, про то
Не дело... А про что бы
Тогда? Увы, никто
Не в си... А хорошо бы.

Теперь, чем никогда,
Хоть что-то. Как-то надо.
Чем чёрт не шу... Ах, да!
И вообще. Ну, ладно.

На погосте не погостишь —
Будь хозяин, уж коль навеки
Променял суету на тишь,
Невозможную в человеке.

Все мы тут, кому как пришлось
Дать ли дуба, сыграть ли в ящик.
На погосте никто не гость
Кроме временно тут ходящих.

Что Пушкин постарше на двести
Годков, это ясно из дат.
А Пушкину был я ровесник —
Однажды, полвека назад.

Меня-то Господь не заметил,
Досрочные смерти неся.
И что же? Рождённые прежде
Кумиры — моложе меня!

В граните, бетоне, металле
Пожить им даётся опять.
Но сколько бы их ни ваяли,
Меня им уже не догнать.

Всё шутим, а если по правде,
Шагаем-то в общую тьму.
Там ежели встретится прадед —
Как правнука приобниму.

Курица крылата,
Но летать не может.
У меня таланта,
Кажется, не больше.

Курочка, не прыгай,
Небу не годятся
Ни такие крылья,
Ни такие яйца.

Но и я имею
Синюю ту крышу:
Не летав под нею,
Всю вижу.

Бомж

Когда в автобус втёрся бомж,
Распространяя вонь,
Ещё вам ехать бы, но всё ж —
Вы поспешили вон.

Когда творился беспредел,
Прихват-грабёж-делёж,
Не всякий к этому поспел.
Так появился бомж.

Он вообще-то был, как вы,
Но проворонил шанс.
Ох, не по Дарвину ли вид
Произошёл — от нас?

Божеские чертоги
Кто бы найти смог,
Ежели мысль о Боге —
Это и есть Бог?

Разве не Божье дело
Жить, иногда греша,
Если порывы тела —
Это и есть душа.

Было мне продиктовано свыше,
И храню я на белом листе
Гениальное четверостишьё
В незаписанной чистоте.

Чтобы где-то не выступил против
Никакой, понимаешь, Зоил,
Я бумагу пером не испортил,
Репутацию не очернил.

Сдвиг погоды

Выпал — это в мае-то! —
Подзабытый снег.
В воздухе витает он
К изумленью всех.

Все позамела пути
Неба высота.
В этой небывалости
Что-то неспроста.

Распушились тополи,
Сняты шубы с плеч,
А снежинкам только бы
На ресницы лечь.

Ели еле-еле сквозь
Иней зелены,
Будто наша молодость
Из-под седины.

Трудная тема

Бессмертье есть ли, нет ли,
Узнаешь как ты?
Всё только слухи, сплетни,
А где же факты?

Нельзя проверить это,
Осталось верить,
Что есть, имеет место,
Но — после смерти.

Жизнь — это Жажда: с буквы Ж
Берут начало обе.
Немало выпито уже,
И что у нас в итоге?

Неутолима Жажда-Жизнь,
Но сбудется как финиш
В стакане дно, поскольку из
Бездонного — не выпьешь.

Записки умнашедшего

Товарищ, нет ли папироски?
Впервые я попал в дурдом
Как Александр Македонский...
Наполеоном был потом.

Врачи уколами достали.
Но обнаружилось тогда,
Что я на самом деле Сталин,
И вот — на всех завёл дела.

А кабы я достиг обычной,
Первичной, так сказать, судьбы,
Тут просто манией величия
Уже попахивало бы.

В быту же я, как видишь, скромнен,
Не знаю отдыха, казня.
Вишь, понастроили хоромин,
Вся разворована казна.

А я с народом после тяжких
Трудов не пухну от рублей,
И лишь в смирительной рубашке
Меня положат в Мавзолей.

Совет мэтра

«Себя дождаться — вот в чём дело»,
Сказал Егор Исаев мне.
А что? Прекрасная идея,
Осуществимая вполне.

Где ж я? Вы часом не слышали,
По белу свету колеся?
Давно уж публику стихами
Не донимаю. Жду себя.

Всё интересно для поэта —
О чём тут булькает ручей,
Куда летит ворона эта,
И в синем ветре выдох чей?

Он жив, пока слетает свыше
К нему созвучий перезвон.
А если кто стихов не пишет,
Чем отвечает небу он?

Наречья

В нас есть «ещё» и есть «уже»,
Наречьями богаты.
«Уже» уже не по душе,
«Ещё» ещё приятны.

Уже не молоды, увы,
Зато ещё не стары.
Уже седем с головы,
Ещё дуреть не стали.

Уже закаты наши мрут,
Ещё нам зори кажут.
И ты уже довольно мудр,
Хотя ещё не так уж.

Ты не стареешь, нет,
И это знать не ново:
Тебе всё меньше лет —
С конца теперь другого.

Не прибыльно, зато
Хоть с немощами в теле
Промолодеешь до
Последней колыбели.

Расовый барьер

Негры — наши негативы,
Бог их недопроявил.
Но фигурами красивы
И полны спортивных сил.

Я ж усиленно белею,
А загар то есть, те нет.
Весь чернею только тенью —
Солнцем выкроенный негр.

Жизнь обустроена как надо:
За всё, что грешному даёт,
Рожденье — это предоплата,
Смерть — окончательный расчёт.

Тебе задаром ни минуты
Не перельётся через край,
И не останешься в долгу ты.
Короче, не переживай.